

УДК 94 (4) + 94 (5)

DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-4-799-806

Политика сасанидского шаха Йездигерда I в отношении христианской общины

Куликов А.О.

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Россия, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23
E-mail: kulickoff.aleksander@gmail.com

Аннотация. В данной статье рассматривается религиозная политика персидского царя из династии Сасанидов Йездигерда (399–420) в частности его попытки выстроить новую систему отношений с христианскими подданными и через них – с Римской империей. Царь пытался воплотить в жизнь изменения на нескольких направлениях: установить мир с Византией, опереться на горожан западных областей и подчинить лично себе христианскую церковь, выведя её из-под возможного контроля со стороны Византии. Йездигерд посредством участия христианских лидеров восточно-римского мира пытался выстроить единую систему христианской иерархии, создать единое богословие. Однако к концу правления все попытки выстраивания новой системы потерпели крах. Христианству не нашлось места в строящейся Сасанидской государственной системе по этническим и социальным причинам, а образ самого Йездигерда в персидской литературе стал отрицательным. Неудачные попытки религиозных реформ только еще больше укрепили положение традиционных слоев персидского общества.

Ключевые слова: христианство, православие, церковь Востока, Сасаниды, Византия, Римская Империя.

Для цитирования: Куликов О.А. 2021. Политика сасанидского шаха Йездигерда I в отношении христианской общины. *Via in tempore. История Политология.* 48 (4): 799–806. DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-4-799-806.

Policy of the Sasanian shah Yazdgard I relating the Christian community

Alexandr O. Kulikov

N.I. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod – National Research University,
23 Gagarin Avenue, Nizhni Novgorod, 603950, Russia
E-mail: kulickoff.aleksander@gmail.com

Abstract. In this article examines the religious policy of the Sasanian king Yazdegard (399–420), in particular, his attempts to build a new system of relations with Christian subjects and, through them, with the Roman Empire. The king tried to implement changes in several directions: the establishment of peace with Byzantium, rely on the townspeople of the western regions and personally subjugate the Christian Church, taking it out of possible control from Byzantium. Yazdegard, through the participation of Christian leaders of the East Roman world, tried to build a unified system of Christian hierarchy, to create a unified theology. During this period, the Christian Church of the East was in the process of forming a religious doctrine. However, by the end of the reign, all attempts to build a new system failed. This policy was not successful and Christianity has never become a solid pillar of Sassanian Iran. Christianity did not find a place in the Sassanid state system under construction, largely for ethnic and social reasons, and the image of Yazdegard in Persian literature became rather bad. Failed attempts at religious reform have only further strengthened the position of the traditional strata of Persian society.

Keywords: Christianity, Orthodoxy, Church of the East, Sassanids, Byzantium, Roman Empire.

For citation: Kulikov A.O. 2021. Policy of the Sasanian shah Yazdgerd I relating the Christian community. *Via in tempore. History and political science.* 48 (4): 799–806 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-4-799-806.

Введение

Сложность вопроса, связанного со внутренней и внешней политикой персидских шахов Сасанидской династии, напрямую связана с проблемами их взаимоотношений с христианской общиной. Христианская община была самой крупной группой меньшинств внутри Сасанидской империи и представляла влиятельную силу, способную как противопоставлять себя Сасанидской власти, так и вести с ней диалог. В правление Йездигерда произошла попытка особо значительного сближения Персии и Рима, а также Персии и христианской общины. Потенциально могла родиться совершенно новая культурно-историческая общность, которая, однако, так никогда и не родилась.

Источники по данной теме представлены, в первую очередь, христианской религиозной и мусульманской литературой. Материалы Ктесифонского Собора содержатся в издании Сирийского Восточного Синодикона [Synodicon Orientale, 1902]. Часть информации имеется в сирийской историографии, в частности в несторианской «Хронике Сеерта», издававшейся в серии *Patrologia Orientalis* с 1910 по 1919 г. [*Patrologia Orientalis*. Т. 04, 1908; *Patrologia Orientalis*. Т. 05, 1910; *Patrologia Orientalis*. Т. 07, 1911; *Patrologia Orientalis*. Т. 13, 1919]. Другая группа исторических источников представлена византийской традицией, в частности в сочинениях Сократа Схоластика [*Patrologia Graeca*, Т. 67, 1859], Проккопия Кесарийского [Чекалова, 1993] и др. В христианской литературе в целом содержится относительно положительный взгляд на личность и правление шаха Йездигерда.

Другая группа источников связана с персидской и арабо-мусульманской историографией, в частности в «Шахнаме» Фирдоуси, а также исторических сочинениях персомусульман ат-Табари [Bosworth, 1999] и ибн Мискавейха [Emami, 1379 (2001)]. Данные источники в целом крайне негативно оценивают деятельность Йездигерда.

Личность Йездигерда нередко затрагивалась в историографии. Например, оценку религиозной политики шаха дал Скотт МакДоно [McDonough, 2008], описав модели прохристианской политики персидского царя. Общий обзор его политики был дан в статье Дариаи [Daryaei, 2004]. Положение христиан в конце правления Йездигерда рассмотрел ван Ромпай в статье [Lamberigts, van Deun, 1972], общее положение христиан в Сасанидской империи затрагивалось в работах Брока [Brock, 1982]. Роль религиозного фактора в византийско-персидских отношениях не раз освещалась в исторической литературе, например, в статьях Френдо [Frendo, 1997], Вуда [Wood, 2010] и др.

Целью настоящей статьи является анализ политики Сасанидского шаха Йездигерда I в отношении христиан, выяснение её специфики, итогов и результатов.

Результаты и их обсуждение

Персидская империя Сасанидов была довольно сложным, полиэтничным и многоукладным государством. Ее государственной религией был зороастризм – древнее иранское учение, основанное на авестийских сказаниях. Зороастрийское жречество, так называемые «маги», было одним из самых влиятельных сословий империи. Параллельно на окраинах продолжало существовать множество древних арийских культов, а также неортодоксальных течений самого зороастризма, таких как маздакизм, манихейство и т. д.

В этих условиях христианство, начавшее распространяться со II в., показало себя в качестве популярной религии. В первую очередь стараниями сирийских проповедников были практически полностью христианизированы Вавилония (по-сирийски – Бет-Арамай,

по-персидски – Асористан), Ассирия (Бет-Гармай, Арбела и Мосул), Хузистан (Бет-Лапет и Майшан). Это были в основном арамеоязычные регионы, и процесс их христианизации упрощался по причине того, что проповедью в них занимались в основном выходцы из Сирии, говорившие на диалекте родного для большинства жителей Большого Ирака арамейского языка (хотя, конечно, источники знают примеры христиан совершенно разного этнического происхождения).

Именно в этот период благодаря деятельности выходцев из Леванта сирийский диалект выходит на первый план в качестве литературной нормы арамейского языка. Арамеоязычная среда была наиболее быстро христианизирована, став при этом костяком христианства Сасанидской империи. Немаловажную роль в этом также сыграла и географическая близость арамеов к столичным центрам Сасанидской державы.

Однако христиане не ограничивались проживанием только в этих регионах. Известно, что христианские общины были в самом сердце Персии – провинциях Фарс и Рей (центральный Иран), на побережье Каспия, на Кавказе и даже в Средней Азии и Систане, подчинявшимся в ту эпоху разным кочевым народам, таким как хиониты и эфталиты. Христиане этих областей были самостоятельны и, как предполагают некоторые авторы, находились в оппозиции к месопотамскому католикосу [Селезнев, 2001]. Более того, сама церковь Востока в данный период находилась в стадии становления и формирования догматической доктрины [Заболотный, 2019], что не могло не повлиять на степень её политического авторитета на востоке.

Если попытаться разместить эти регионы на карте, то можно увидеть наибольшую концентрацию христиан в Месопотамии, Южном Закавказье и Хузистане, остальные местности компактного проживания христиан находились на важных перевалочных пунктах Великого шелкового пути, таких как Рей, среднеазиатские города, Герат, а также Каспийские ворота. Скорее всего, это было связано с тем, что христианство распространялось торговцами, и оно в тот период было религией городской цивилизации, чем противостояло официальному зороастризму высшей знати, маздакитству и манихейству персидской оппозиции, а также архаичным культам кочевников и селян окраин огромного иранского мира.

Рост численности христиан воспринимался персидскими царями как прямая угроза. Источники знают несколько крупных гонений, происходивших в царствование шахов Шапура II и Ардашира II, которые прекращались в правление их преемников. В историографии существует точка зрения, что причиной гонений послужило принятие христианства Римом и подозрительность шаха Шапура, видевшего в христианах агентов римского влияния [Селезнев, 2001]. Подобная позиция кажется поверхностной, так как перелагает всю сложность внутренней ситуации на внешнюю политику, отрицая множество внутренних проблем внутри персидского государства, таких как борьба элит, этно-культурный фактор и сам характер христианского вероучения, резко противоречащий традиционному зороастрийскому богословию. Как бы то ни было, в любом случае гонения временно прекратились при Шапуре III, после чего начался процесс сближения христиан и шахского трона, достигший апогея в начале правления Йездигерда I.

Йездигерд в официальной персидской историографии, унаследованной затем классической исламской историографической традицией, характеризовался крайне негативно как «отступник», «грешник» и «неблагодарный» человек, особенно в противовес своему сыну, ортодоксальному зороастрийцу Бахраму V Гуру, ставшему одним из самых любимых героев персидского эпоса.

Путь, к которому шах пришёл к столь нелестным эпитетам, заслуживает глубокого рассмотрения. Йездигерд пришел к власти в 399 г. после убийства Бахрама IV. Правление его пришлось на серьёзный период внутренней борьбы в Сасанидском государстве, и можно предположить, что с самого начала правления Йездигерд искал силу, на которую он мог бы опереться, чтобы не повторить судьбу своего брата, погибшего от стрел своего

войска, то есть знати. Из последующих действий царя можно выделить несколько: установление мира с Византией, опора на горожан западных областей, подчинение христианской церкви лично шаху и выведение её из-под возможного контроля со стороны Византии. Все три этих аспекта были тесно переплетены.

Ассирийская Церковь Востока в конце IV в. была ослаблена как гонениями, так и отсутствием четкой внутренней структуры. Известны случаи, когда в одной области было несколько епископов. Некоторые исследователи объясняют такую ситуацию тем, что существовали параллельные структуры, создаваемые и местными жителями, и пленниками [Селезнев, 2001]. В подтверждение данной гипотезы можно сказать, что ситуация с одновременным правлением нескольких епископов в одном округе характерна в первую очередь для Хузистана, куда, как известно, ссылали римских пленников. При этом не стоит абсолютизировать данный фактор – всё-таки главная причина хаоса в епископате лежала в отсутствии четко оформленных канонов и централизации церковной власти. Не удивительно, что человеком, проповедовавшим христианство перед шахом, стал уроженец Востока Римской империи Маруфа Майферкатский.

Как гласит легенда, Маруфа во время своего путешествия в 399 г. творил перед царём чудеса, исцелив в разных вариантах или его самого, или его сына, или его дочь [Пикин, 2018; *Patrologia Graeca*, Т. 67, 1859, р. 753–754], а также вывезя мощи мучеников и основав Мартирополь на границе с Персией. Маруфа достаточно быстро стал известным и авторитетным человеком в Персии, что предопределило его дальнейшую судьбу.

Когда в 410 г. встал вопрос о созыве собора в Ктесифоне, представителем римской Церкви на него был избран Маруфа, которого уже хорошо знали как персы, так и римляне. Собор возглавлял сам Йездигерд, которому, впрочем, были важны только политические аспекты переговоров. Письмо от римского императора и западных иерархов прочитал и перевёл лично Маруфа. Одно из главных требований запада – принятие никейского символа веры и канонов римской церкви – было принято почти безоговорочно. Но главные споры возникли вокруг политических вопросов, таких как власть католикоса, централизация церкви, исправление ситуации в областях, где сложилась система с несколькими епископами. Правление католикоса Исхака, во время которого состоялся Ктесифонский собор, стало золотой эпохой Сирийской Церкви Востока.

В дальнейшем шах начал перенимать западные практики, в частности использование приближенных епископов в качестве послов и даже следователей. Например, как сообщает «Хроника Сеерта», католикос Мар Ахха (410–415) был избран Йездигердом для расследования махинаций шахского племянника Нахруза, утверждавшего о грабеже пиратами партии жемчуга из Индии и Китая в Фарсе [*Patrologia Orientalis*. Т. 05, р. 324]. В 417/18 г. следующий католикос, Мар Ябалаха I (415–420) был послан на территорию Восточной Римской Империи с целью заключения «мира и примирения двух империй» [Greatrex, Lieu, 2002, р. 36]. Не будучи этническими персами, Мар Ахха и Мар Ябалаха были особо приближенными к царю людьми, которым тот доверял особо важные дела. Обмен христианскими послами продолжался и позже: в 419/20 г. сирийский епископ Акакий Амидский присутствовал на втором соборе Персидской церкви в городе Вех-Ардашире. Эта ситуация «епископских посольств» продолжалась вплоть до смерти Йездигерда в 420 г.

Известно, что царь безуспешно пытался установить на должность католикоса христиан-персов, таких как Ма'ана и Фарабохт. Вероятно, одной из причин провала такой идеи являлся преимущественно арамейский характер христианства, особенно в Ктесифоне – городе, где находилась резиденция главы церкви.

Стоит сказать, что борьба внутри персидских элит имела причиной не только религию. Сасанидское государство находилось в состоянии необходимости проведения серьёзных реформ, а царская власть пыталась централизовать государство. Как замечено С. Макдоно и поддержано Ф. Вудом, в V в. верховная персидская власть оказывала давле-

ние на автономию марзбанов, централизовала добычу серебра и выпуск монет и, кроме того, начала использовать миф о Кеянидах (мифологических авестийских царях, почитавших традиции, законы, объединявших Иран и побеждавших иноземцев) как часть государственной идеологии [Wood Ph. 2013, p. 38] – всё это являлось частью осознанной и необходимой политики по укреплению государства.

Одним из аргументов, говорящих о серьезности отношений шаха и христиан, является поворотное событие V в. – разрушение христианским священником по имени Хуша' зороастрийского храма огня Фарсе [Patrologia Orientalis. T. 05, p. 328]. Если сообщение об этом событии в «Хронике Сеерта» является правдой, а не отголоском зороастрийско-христианской полемики, то можно предположить, что христиане в этот период почувствовали за собой силу и начали пытаться диктовать свои условия персидскому обществу, что было бы возможным только в ситуации полного покровительства царской власти христианской общине. Но в этой ситуации христиане проиграли: шах не смог (или не захотел) становиться на защиту своих протезе в таком тяжелом преступлении. Более того, как сообщает Синодикон, от погромщиков отказывались даже собственные епископы [Synodicon Orientale, 1902], объясняя это тем, что они якобы не имеют власти над общиной.

Прекращение покровительства над христианами не привело к резкому повороту внутренней политики Йездигерда. Конфликт закончился гибелью царя на охоте при весьма смутных обстоятельствах. Как гласит легенда, во время охоты его убил белый конь [Bosworth, 1999, p. 847–50]. В персидской традиции белый конь символизировал царскую власть и благословение Ахурамазды. Можно сказать, что эта легенда тонко намекает на то, что причиной смерти царя могло стать недовольство его ближайшего окружения, состоявшего в первую очередь из персидской знати и мобедов – наиболее консервативной части персидской элиты.

Гибель шаха всё же стоит воспринимать не только с точки зрения религии, но и с точки зрения внутренней политики. Так, в правление сына Йездигерда, Бахрама V Гура, было увеличено влияние знати при дворе, а главный мобед, Михр-Нарсе, как писал ат-Табари [Bosworth, 1999, p. 869–870], получил огромные земельные владения и почти безграничное влияние [Дашков, 2008]. Начался новый этап укрепления Сасанидской государственности.

Йездигерд, как можно предположить, испробовал альтернативный путь реформирования общества: изменений по римскому образцу, что позволяет некоторым авторам сравнивать его с Константином Великим [McDonough, 2008]. Однако всё же не стоит ставить знак равенства между Константином и Йездигердом. Шах, судя по всему, никогда не симпатизировал христианству с вероучительной и богословской точки зрения. При этом стоит помнить, что влиятельных христиан в окружении царя также не было – для персидской знати новая религия была чуждой с культурной точки зрения. Возможно, именно восприятием «чуждости» можно объяснить неудачную попытку царя сделать католикосами епископов персидского происхождения. В этом заключается трагический фатализм персидского христианства, вытесненного на роль религии, хотя и богатого и многочисленного, но всё же этнического и культурного меньшинства. Внутри Сасанидского государства христианство всё равно воспринималось «религией чужих». Знать была и оставалась чисто персидской, верной зороастрийским традициям, и не представляется, чтобы ситуация могла быть сломлена каким-либо возможным способом.

Политика Йездигерда не могла не оставить следы в поздней историографии. В зороастрийско-персидской и наследующей ей арабо-мусульманской традиции за Йездигердом закрепился образ нечестивца, грешника, несправедливого по отношению к подданным сребролюбца, как например, представлено в «Шахнаме» или в «Истории Пророков и Царей» Ат-Табари [Bosworth, 1999, p. 848–854]. Интересно, что даже в христианской несторианской Хронике Сеерта присутствует негативная оценка личных качеств шаха, который также именуется несправедливым по отношению к подданным [Patrologia

Orientalis. Т. 05, р. 316], хотя в тексте и присутствуют нотки оправдания шаха: автор текста приписывает Йездигерду слова о том, что суровость является последствием вероломств сановников, убивавших предыдущих Сасанидов. Подобную близость христианской и мусульманской позиций можно интерпретировать как возможное продолжение утерянной официальной сасанидской историографической позиции, которую был вынужден официально разделять несторианский католикосат.

Выводы

Восточное христианство в эпоху правления Йездигерда I переживало достаточно сложный этап. С одной стороны, эпоха гонений закончилась, и царская власть попыталась «приручить» новую религию, но не достигла результата. Христианство, несмотря на быстрое распространение, оставалось в основном религией иракских арамеев, что создавало этническую и языковую пропасть между персидскими элитами и христианской проповедью и усугубило царские попытки реформировать страну. Параллельно происходило укрепление персидской государственной системы, в которой христианство все больше вытеснялось на периферию. Таким образом, персидское христианство не смогло победить в сасанидской государственной системе и было обречено на поражение в более позднюю историческую эпоху.

Йездигерд стал примером царя – неудачного реформатора. Его попытки изменения сложной и многоукладной Персидской империи привели лишь к еще большей реакции и усилению позиций персидской знати. Христианская община, являвшаяся мостом с Римом и отдаленная от персидской знати, не оправдала надежд царя. Сближение Сасанидов и христиан в правление Йездигерда было поверхностным и не дало полноценный долгий эффект – как по причине этнического характера месопотамских христиан, так и по причине сильного влияния персидской знати и зороастрийского священства.

Список литературы

1. Дашков С.Б. 2008. Цари царей – Сасаниды. Иран III–VII вв. в легендах, исторических хрониках и современных исследованиях. М., СМИ-Азия, 356.
2. Заболотный Е.А. 2019. Рецепция восточными сирийцами антиохийской традиции: монастыри vs школы. В: Вестник ПСТГУ. Серия III. Филология. 61: 38–52.
3. Пикин А.В. 2018. Так называемое завещание императора Аркадия и посольство Маруфы Майферкатского. В: Cursor Mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения. 10: 53–60.
4. Селезнев Н.Н. 2001. Ассирийская Церковь Востока. Исторический очерк. М., АЦВ, 105.
5. Чекалова А.А. 1993. Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. М., Наука, 578.
6. Bosworth C.E. 1999. History of al-Tabari. Vol. 5. The Sassanids, the Byzantines, the Lakhmids, and Yemen. Albany, NY, State University of New York Press, 458.
7. Brock S.P. 1982. Christians in the Sasanian Empire: a case of divided loyalties?. In: Studies in Church History 18: 1–19.
8. Daryaei T. 2004. History, epic and numismatics: on the title of Yazdegerd I. In: American Journal of Numismatics 16: 89–92.
9. Emami A. 1379 (2001). Ibn Miskawayh. Tajarib al-Umam. V. 1. Tehran, Soroush Press, 595 (in Arabian).
10. Frendo D., The Religious Factor in Byzantine-Iranian Relations. In: Bulletin of the Asia Institute, NS, 11: 105–122.
11. Greatrex G., Lieu S.N.C. 2002. Roman Eastern Frontier and the Persian Wars. Part II. AD 363–630. A Narrative Sourcebook. London – New York, Routledge, 406.
12. Matthew P.C. 2009. The Two Eyes of the Earth: Art and Ritual of Kingship Between Rome and Sasanian Iran. Berkley – Los Angeles – London, University of California Press, 456.

13. McDonough S. 2008. A Second Constantine? : The Sasanian King Yazdgard in Christian History and Historiography. In: *Journal of Late Antiquity*. Jan. 1: 128–141.
14. *Patrologia Graeca*, T. 67: Socrates, *Historia Ecclesiastica*; Sozomen, *Historia Ecclesiastica*. 1859. Paris, ex. et ven. apud J.-P. Migne ed.: 30–842.
15. *Patrologia Orientalis*. Tomus 04: Duval R., Wessely C., Mgr Scher A., Perier J., Nau F., Bousquet J., Goodspeed E.-J., Crum W.E. 1908. Paris, Librairie de Paris, Firmin-Didot et C, Imprimeurs-Éditeurs: 213–313.
16. *Patrologia Orientalis*. Tomus 05: Evetts B., Mgr Scher A., Dib P., Bayan G., Max de Saxe (le prince S.A.R.), Vasiliev A., Leroy L., Nau F. 1910. Paris, Librairie de Paris, Firmin-Didot et C., Imprimeurs-Éditeurs: 217–344.
17. *Patrologia Orientalis*. Tomus 07: Mgr Scher A., Guidi I., Vasiliev A.A., Brooks E.-W. 1911. Paris., Librairie de Paris, Firmin-Didot et C, Imprimeurs-Éditeurs: 84–203.
18. *Patrologia Orientalis*. Tomus 13: Grebaut S., Nau F., Asin M. et Palacios, S.G. Mgr Addai Sher, Griveau Robert, Pereira E. 1919. Paris., Librairie de Paris, Firmin-Didot et C, Imprimeurs-Éditeurs: 333–639.
19. *Synodicon Orientale*. 1902. Paris, Imprimerie Nationale, 698.
20. Van Rompay L. 1972. Impetuous martyrs? The situation of the Persian Christians in the last years of Yazdegard I (419–20). In: M. Lamberigts and P. van Deun (eds.). *Martyrium in a Multi-Disciplinary Perspective*. Memorial Louis Reekmans. Louvain: 363–375.
21. Wood Ph. 2010. *We Have No King but Christ: Christian Political Thought in Greater Syria on the Eve of the Arab Conquest (c. 400–585)*. Oxford, Oxford University Press, 308.
22. Wood Ph. 2013. *The Chronicle of Seert. Christian Historical Imagination in Late Antique Iraq*. Oxford, Oxford University Press, 320.

References

1. Dashkov S.B. 2008. Tsari tsarey – Sasanidy. Iran III–VII vv. v legendakh, istoricheskikh khronikakh i sovremennykh issledovaniyakh [Kings of Kings – Sassanids. Iran III–VII centuries. in legends, historical chronicles and modern studies]. M., SMI-Aziya, 356.
2. Zabolotnyy Ye.A. 2019. Retseptsiya vostochnymi siriysami antiokhiyskoy traditsii: monastyri vs shkoly [Reception by eastern Syrians of the Antiochian tradition: monasteries vs schools]. *Vestnik PSTGU. Seriya III. Filologiya* [Bulletin of PSTGU. Series III. Philology]. 61: 38–52.
3. Pikin A.V. 2018. Tak nazvyvayemoye zaveshchaniye imperatora Arkadiya i posol'stvo Marufy Mayferkatskogo [The so-called testament of Emperor Arcadius and the embassy of Marufa of Mayferkat]. *Cursor Mundi: chelovek Antichnosti, Srednevekov'ya i Vozrozhdeniya* [Cursor Mundi: a man of Antiquity, the Middle Ages and the Renaissance]. 10: 53–60.
4. Seleznev N.N. 2001. Assiriyskaya Tserkov' Vostoka. Istoricheskiy ocherk [Assyrian Church of the East. Historical sketch]. M., ATSV, 105.
5. Chekalova A.A. 1993. Prokopiy Kesariyskiy. Voyna s persami. Voyna s vandalami. Taynaya istoriya [Procopius of Caesarea. War with the Persians. War with the vandals. Secret history]. M., Nauka, 578.
6. Bosworth C.E. 1999. *History of al-Tabari*. Vol. 5. The Sassanids, the Byzantines, the Lakhmids, and Yemen. Albany, NY, State University of New York Press, 458.
7. Brock S.P. 1982. Christians in the Sasanian Empire: a case of divided loyalties'. In: *Studies in Church History* 18: 1–19.
8. Daryaei T. 2004. History, epic and numismatics: on the title of Yazdegard I. In: *American Journal of Numismatics* 16: 89–92.
9. Emami A. 1379 (2001). *Ibn Miscawayh. Tajarib al-Umam*. V. 1. Tehran, Soroush Press, 595 (in Arabian).
10. Frendo D., *The Religious Factor in Byzantine-Iranian Relations*. In: *Bulletin of the Asia Institute*, NS, 11: 105–122.
11. Greatrex G., Lieu S.N.C. 2002. *Roman Eastern Frontier and the Persian Wars*. Part II. AD 363–630. A Narrative Sourcebook. London - New York, Routledge, 406.
12. Matthew P.C. 2009. *The Two Eyes of the Earth: Art and Ritual of Kingship Between Rome and Sasanian Iran*. Berkley – Los Angeles – London, University of California Press, 456.
13. McDonough S. 2008. A Second Constantine? : The Sasanian King Yazdgard in Christian History and Historiography. In: *Journal of Late Antiquity*. Jan. 1: 128–141.

14. *Patrologia Graeca*, T. 67: Socrates, *Historia Ecclesiastica*; Sozomen, *Historia Ecclesiastica*. 1859. Paris, ex. et ven. apud J.-P. Migne ed.: 30–842.
15. *Patrologia Orientalis*. Tomus 04: Duval R., Wessely C., Mgr Scher A., Perier J., Nau F., Bousquet J., Goodspeed E.-J., Crum W.E. 1908. Paris, Librairie de Paris, Firmin-Didot et C, Imprimeurs-Éditeurs: 213–313.
16. *Patrologia Orientalis*. Tomus 05: Evetts B., Mgr Scher A., Dib P., Bayan G., Max de Saxe (le prince S.A.R.), Vasiliev A., Leroy L., Nau F. 1910. Paris, Librairie de Paris, Firmin-Didot et C., Imprimeurs-Éditeurs: 217–344.
17. *Patrologia Orientalis*. Tomus 07: Mgr Scher A., Guidi I., Vasiliev A.A., Brooks E.-W. 1911. Paris., Librairie de Paris, Firmin-Didot et C, Imprimeurs-Éditeurs: 84–203.
18. *Patrologia Orientalis*. Tomus 13: Grebaut S., Nau F., Asin M. et Palacios, S.G. Mgr Addai Sher, Griveau Robert, Pereira E. 1919. Paris., Librairie de Paris, Firmin-Didot et C, Imprimeurs-Éditeurs: 333-639.
19. *Synodicon Orientale*. 1902. Paris, Imprimerie Nationale, 698.
20. Van Rompay L. 1972. Impetuous martyrs? The situation of the Persian Christians in the last years of Yazdegard I (419–20). In: M. Lamberigts and P. van Deun (eds.). *Martyrium in a Multi-Disciplinary Perspective*. Memorial Louis Reekmans. Louvain: 363–375.
21. Wood Ph. 2010. *We Have No King but Christ: Christian Political Thought in Greater Syria on the Eve of the Arab Conquest (c. 400–585)*. Oxford, Oxford University Press, 308.
22. Wood Ph. 2013. *The Chronicle of Seert. Christian Historical Imagination in Late Antique Iraq*. Oxford, Oxford University Press, 320.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Куликов Александр Олегович, аспирант кафедры средневековых цивилизаций Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexandr O. Kulikov, Post-graduate student of the Department of Medieval Civilizations of the Institute of International Relations and World History, Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia